
ЕЛЕНА БУЛГАКОВА
ГРАНИЦА ПРОШЛА ПО ДВОРАМ

Елена Булгакова

Граница прошла по дворам

https://litres.ru/74817202
SelfPub; 2026

Аннотация

В октябре две тысячи девятого журналистку областной газеты берут на пограничный вертолёт: пять часов, семьсот километров вдоль границы с Казахстаном. С высоты ста метров видно всё — сараи, колодезные журавли, собаку во дворе, тропинку от крыльца к забору. Не видно только границы. На местности её нет: ни полосы, ни проволоки, ни обозначений.

Но граница есть. Она штрафует за грибы, разлучает родню, не пускает дочь на похороны матери, до которой сорок километров. А иногда просто молчит — и человек годами ходит по кругу за правом, которое у него всё это время было. Девятнадцать лет её не было видно — и все девятнадцать лет она работала.

Содержание

Предисловие автора 5
Часть первая 7
Глава 1. Сто метров над землёй 8
Глава 2. Экипаж 21
Глава 3. Застава в Изобильном 26
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Елена Булгакова
Граница прошла по дворам

Елена Булгакова

ГРАНИЦА ПРОШЛА ПО ДВОРАМ

Российско-казахстанское приграничье, 2009–2010

документальная повесть

Предисловие автора

В октябре две тысячи девятого года я отправилась в необычную командировку. Звонок из погрануправления застал меня врасплох. Но я не могла отказаться от полёта над границей, да ещё и на вертолёте, — это было то, о чём я мечтала.

Разведполёт с посадками длился около пяти часов; за это время мы пролетели свыше семисот километров. Из иллюминатора было видно то, чего не видно с дороги. Граница шла по выгонам, по излучинам, по чьим-то огородам и между дворами.

Материал готовился в сжатые сроки и стал темой номера под рубрикой «Эксперимент недели».

Потом я ещё много общалась с пограничниками и с людьми, которые жили в приграничной зоне.

Эта книга — не репортаж. Она описывает один год — с октября две тысячи девятого по осень две тысячи десятого.

Фактура в ней подлинная: расстояния, география Оренбургской области, порядок пропускного режима, законы, приказы и сроки (из открытых источников). Я проверяла их по документам, и там, где проверить не удалось, цифр в тексте нет вовсе.

Герои и сюжеты вымышлены. Судьба Веры Снигирёвой местами автобиографична. Но не было ни схода из-за вы-

гона, ни двадцати трёх ходатайств, ни коридора, в котором дочь стоит с паспортом матери. Вернее, всё это было — но не с этими людьми, не в этих словах и не в один год; здесь оно собрано из многих поездок и рассказов в одну повесть. Об этом надо сказать прямо, чтобы никто не искал в книге своего села и своей фамилии.

Там, где в книге появляются люди, занимавшие реальные должности, названы только должности.

Два имени оставлены настоящими. Артём, сын героини, — это мой сын, так я решила. Последняя глава «У костра» посвящена памяти моего коллеги, журналиста Станислава Колесникова, ведущего телеканала «Планета», который в своё время подготовил немало репортажей о пограничной службе.

Граница, о которой идёт речь, прошла в девяносто первом году. Девятнадцать лет её не было видно на местности, но все девятнадцать лет она работала.

В июне две тысячи десятого у Алимбета под Орском торжественно установили пограничные знаки.

Книга о том, что было между этими двумя датами, и о людях, по чьим судьбам она прошла.

Часть первая

Пять часов над границей

Глава 1. Сто метров над землёй

Пропуск Снигирёвой выписали в половине девятого.

Женщина в окошке переписывала данные из паспорта в журнал не торопясь и вслух, как переписывают в поликлинике: фамилия, имя, отчество, год рождения, улица, дом, квартира. Вера стояла и слушала собственный адрес, произнесённый посторонним голосом, и думала, что в таком изложении он звучит как показания.

— Снигирёва, — не заглядывая в журнал, повторил подполковник погрануправления Олег Нестеренко, руководитель пресс-службы ведомства по региону.

Он стоял рядом и ничего особенного не делал: ждал, пока оформят. Но адрес он тоже слышал, и адрес у него где-то отложился — так откладывается у человека, который по должности обязан знать, кого и куда он везёт.

Вере было тридцать, и она летела на вертолёте впервые в жизни. Хотела давно — с той планёрки, где кто-то сказал, что пограничники иногда берут журналистов на облёт, и все засмеялись, а Вера записала в блокнот. Записанное пролежало полтора года. Потом позвонили.

Звонок застал её на сессии.

Аудитория, третий ряд, конспект, в котором она не понимала уже половины. Телефон завибрировал на коленях.

— Завтра разведполёт вдоль границы, — сказал Несте-

ренко. — Полетишь с нами?

Он говорил ей «ты» просто и давно, как говорят человеку, которого знают по работе не первый год. Вера ответила «полечу» раньше, чем успела подумать, где возьмёт на это день.

День нашёлся сам. В редакции сказали: езжай, снимай, материал в номер. В институте отпустили сразу, даже не дослушав. Оказалось, что против слов «полёт с пограничниками» никто не умеет возражать.

Вечером она собрала сумку — блокнот, фотоаппарат, запасную карту памяти — и легла рано. Уснуть не получилось.

До десяти оставался час.

Ми-8Т стоял на бетонке и вблизи оказался больше, чем она думала. Зелёный, тупоносый, с длинными провисшими лопастями — они чуть ходили от ветра и выглядели так, будто их забыли подтянуть. Возле машины никто не суетился. Двое в комбинезонах пили чай из термоса стоя и говорили о чём-то своём, и по лицам нельзя было понять, что через час им вылетать.

Утро было тёплое — только ветер. И ни куртка, ни шапка не понадобились. Ветер шёл низом, гнал через поле сухую траву и лез в рукава. Вера собрала волосы, через минуту ветер распустил их снова, и она решила, что воевать с ними не будет.

В салон поднимались, пригибаясь.

Внутри пахло керосином и тёплым металлом. Тесно было не как в автобусе, а как в кладовке: вдоль обоих бортов сто-

яли большие жёлтые баки, притянутые к ложементам стальными лентами, и проход между ними оставался такой, что двое не разошлись бы. Дополнительные, по девятьсот пятнадцать литров каждый, — это Вера узнала потом. А тогда поняла главное: баки шли ровно под иллюминаторами, и, чтобы посмотреть вниз, надо было на них облокотиться.

Вера села сбоку, слева от входа, на откидное сиденье. За её спиной был тот самый бак, а иллюминатор оказался рядом: сиди и смотри.

Напротив, за небольшим столиком, сидел подполковник Нестеренко. На столике лежала карта Оренбургской области. Граница на ней была проведена красным — жирная линия в палец толщиной, видная с другого конца салона.

Слева от Веры сел бортмеханик и первым делом посмотрел в своё окно, хотя смотреть было пока не на что: вертолёт стоял недвижимым.

— Пристегнуться? — спросила она, оглядывая откидное сиденье.

— Если найдёте чем, — сказал бортмеханик и надел наушники.

Ремня не было. Была холодная скоба у стенки, за неё Вера и взялась. Не от страха. Держаться просто было приятно.

* * *

Мотор взревел ровно в десять.

Лопасти, до того ходившие по кругу тяжело и вразвалку, пошли быстрее, потом ещё быстрее, и в какой-то момент

перестали быть лопастями: над головой стоял один мутный круг и гудел так, что гул входил в грудь и там оставался. Внизу пыль встала кольцом, трава у края площадки легла и больше не поднималась.

Через две минуты земля ушла вниз.

Машина качнулась, выровнялась, качнулась опять — и пошла вверх враскачку, не торопясь, как огромная бочка, которую медленно поднимают над степью. У Веры захватило дух — и не отпустило. На аттракционе это длится секунду: внутри обрывается и тут же встаёт на место. Здесь обрывалось и всё не кончалось, потому что бочка поднималась и поднималась, пол подрагивал под ногами, уши заложило, и где-то под рёбрами держался холодок, который она не стала прогонять.

* * *

Первые полчаса она не отрывалась от иллюминатора.

Окошко было круглое и небольшое, с царапинами по краю, но видно через него было всё. Внизу уплывал аэродром. Самолёты на полосе стали вдруг игрушечными — не маленькими, а именно игрушечными, из тех, что ставят на полку. Потом пошли дачи, и у каждой была крыша своего цвета: зелёная, синяя, бурая, опять зелёная. Потом реки — голубые ленты, брошенные в траву. Потом поля.

Поля были жёлтые и зелёные одновременно, в полосах, и с высоты превратились в ковры. Шемахинские, подумала Вера: та же полоса к полосе, тот же выцветший на солнце

узор.

Она снимала всё подряд: мостики, речки, колки, стада, Нестеренко над картой. Пять часов, сказали ей перед вылетом. Больше семисот километров. Четыре района.

От окна она оторвалась один раз — убрать волосы, лезшие в глаза. Потом внизу показались крыши, и машина начала снижаться.

* * *

Первая посадка — у заставы в Изобильном, в Соль-Илецком районе.

Эта посадка оказалась самой долгой за день — больше часа.

Назад к машине Вера шла вместе с разведывательно-поисковой группой: трое, бушлаты, бинокли на груди. Они влезли в салон быстро и молча, и машина пошла вверх.

Группа встала к иллюминаторам и привалилась к бакам: высотой те оказались ровно под локоть. Так они и простояли весь остаток полёта, опираясь на тот самый керосин, который понесёт машину домой.

Поднялись сразу. Теперь шли низко.

Старший наряда надел гарнитуру и с минуту слушал, глядя в пол. Потом обернулся к своим и коротко показал рукой: влево, вперёд, кому-то — вправо. Все кивнули и разошлись по иллюминаторам. У двоих на груди висели бинокли, у старшего в руке — рация.

Устроено было так: штурман давал ориентиры, старший

наряда распределял секторы наблюдения и докладывал командиру о том, что замечала группа. Бортмеханик докладывал командиру напрямую: он входил в экипаж. Экипаж отвечал за машину, группа — за то, что внизу. По гарнитуре старший говорил с кабиной, по рации — с землёй. Вера поняла это не сразу, а когда поняла, удивилась, до чего мало при всём этом говорят.

Вера обернулась и посмотрела на пограничников по-настоящему. Они стояли, как встали при погрузке, и смотрели в обе стороны сразу, выискивая нарушителей. В те же самые иллюминаторы, что и она. Но смотрели не так.

У них были напряжённые лица. Не злые, не суровые — напряжённые, как у человека, который ищет в толпе своего ребёнка. Один подался вперёд и задержался на чём-то внизу, и Вера невольно проследила за его взглядом.

Внизу по грунтовке шла машина. Просто машина, серая, не разберёшь какая.

Пограничник смотрел на машину, пока она не ушла из окна.

На том баке, у которого стоял старший, была развёрнута карта. Не та, что лежала на столике у Нестеренко, — другая, исчерченная от руки. Старший придерживал её локтём, чтобы не сворачивалась, и дописывал что-то карандашом, короткими движениями, стоя.

Вера посмотрела секунды две и отвела глаза.

Никто ей ничего не сказал. В аккредитации было перечис-

лено, на что она имеет право: быть на борту, вести запись, фотографировать с разрешения старшего. Про карту там не было ничего.

Вера повернулась к своему иллюминатору. Она впервые подумала, что они с этими троими летят в разных вертолётах.

И ещё одно она заметила в ту же минуту, и это было неприятно. Сидели в салоне трое — бортмеханик, Нестеренко и она. У каждого была своя работа, и только её работа начиналась не здесь, а на земле — вечером, в сжатые сроки, когда номер уже ждёт. А пока она занимала откидное сиденье, которое по-хорошему принадлежало кому-то из тех, кто стоял.

— Садитесь, — сказала она тому, кто стоял ближе, и приподнялась.

Он посмотрел на неё так, будто она предложила ему зонт.

— Сидите, — сказал он и сразу отвернулся к окну.

— Им так удобнее, — сказал Нестеренко, не отрываясь от карты.

Больше она не предлагала.

— Сто метров, — сказал Нестеренко, наклонившись к ней. — Рабочая высота. Выше не видно деталей, ниже не видно общего.

Олегу Нестеренко было около сорока, и отвечал он так, будто всю жизнь готовился именно к этому вопросу. Вера его ещё не задала.

— А что вы высматриваете?

— Нарушения режима. Переправы, дороги, людей, которых не должно быть.

— И часто находите?

— Находим. Подобные разведполёты вдоль границы мы совершаем довольно регулярно.

Вера записала фразу дословно. Хорошая была фраза, казённая, круглая, из тех, что сами просятся в абзац. Потом она будет к ней возвращаться.

— Тысяча восемьсот семьдесят шесть километров, — сказал Нестеренко, наклонившись ближе. — Столько границы с Казахстаном приходится на одну нашу область, самый протяжённый участок.

Цифры у него выходили ровные, заученные — как у человека, которому их приходится называть часто.

— И транзит через нас идёт, — добавил он. — Грузы, пассажиры. Россия — Средняя Азия. Всё здесь.

Вера прикинула. Те семьсот километров, что они пройдут сегодня, — чуть больше трети всего приграничного участка региона.

— А где-то граница идёт по воде, — добавил Нестеренко. — По Уралу. Линия — строго посередине водотока.

— Посередине реки?

— Посередине. Берег наш, берег их.

Про рыбаков Вера тогда не подумала.

Сто метров — это близко. Всё внизу стало настоящего

размера: сараи, колодезные журавли, собака во дворе, тропинка от крыльца к забору — натоптанная так, что видно было, как часто по ней ходят.

И ещё на такой высоте у машины появилась тень.

Она бежала слева и чуть впереди — по жнивью, по дороге, по чьей-то крыше — и была похожа на огромного майского жука: тяжёлое тело, короткие лапы шасси и размазанный круг над ними вместо крыльев. Жук «перелезал» через плетни, не замечая их, переламывался на овражках и снова вытягивался во всю длину.

Вера сняла его с третьей попытки — целиком, от шасси до винта.

Потом стала искать границу глазами. Она не очень понимала, что именно должна увидеть. Забор — вряд ли. Но что-то же должно быть: вспаханная полоса, канава, столбы в ряд. Что-то, что говорит: отсюда дальше нельзя.

Внизу была степь. Справа степь, слева степь, впереди степь.

— А где она? — спросила Вера.

— Что?

— Граница.

Нестеренко посмотрел в иллюминатор, подумал секунду и показал рукой вперёд и чуть вправо.

— Вон там.

Вера посмотрела. Там была полынь, за полынью белёсое пятно солончака, а дальше опять полынь.

На карте граница была.

— Там ничего нет. Её не видно. Ни знаков, ни полосы, ни проволоки.

— Там граница, — сказал Нестеренко.

— А как же люди понимают?

— Местные понимают, — сказал Нестеренко. — Они тут выросли.

Он сказал это спокойно, как говорят очевидное. Вера записала и это тоже, а вечером, расшифровывая записи в блокноте и на диктофоне, споткнулась об эту фразу.

— Весной начали ставить столбы, — добавил он через минуту. — Где-то под Астраханью. До нас дойдёт нескоро. А пока как есть.

Внизу прошло стадо. Коровы услышали вертолёт раньше, чем Вера их заметила, и брызнули в стороны — все разом, беспорядочно, как мухи со стола, если по нему хлопнуть ладонью.

Вера засмеялась вслух. В шуме всё равно никто не услышал.

Потом один из пограничников поднял бинокль, подержал его у глаз несколько секунд и, не отрываясь от иллюминатора, поднял руку: два пальца вниз и вправо.

Старший наряда шагнул к нему, посмотрел в тот же иллюминатор — секунды три, не больше, — и сказал что-то в гарнитуру. Вера не услышала ни слова: в салоне стоял грохот, а слова ушли в провод.

Машина легла на крыло, и степь встала боком. Вот тут Вера схватилась за скобу по-настоящему.

Внизу стоял трактор. Возле трактора стоял человек и смотрел вверх, приложив ко лбу ладонь.

Старший сказал в гарнитуру ещё два слова. Пограничник опустил руку и вернулся к своему сектору.

Машина выровнялась и пошла дальше.

— Что это было? — спросила Вера.

— Трактор, — сказал Нестеренко.

Вся история заняла меньше минуты, и за эту минуту никто не повысил голоса и никто не сказал лишнего слова.

— А если бы не трактор? — спросила Вера.

— Тогда старший доложил бы командиру, и дальше была бы работа, — сказал Нестеренко.

Вера записала и это.

* * *

Назад возвращались в начале четвёртого.

Пять часов облёта с посадками. Четыре района — Оренбургский, Соль-Илецкий, Илекский, Акбулакский. Вера спускалась по трапу с чувством, будто прошла их пешком.

Для неё это был день, который она будет пересказывать годами. Для них — обычный облёт, каких в месяц у пограничников бывает несколько.

В сумке лежал блокнот с исписанными страницами и карта памяти, на которой было больше двух сотен кадров.

Из кабины вышел командир, снял шлемофон и пригладил

волосы.

— Ну как?

— Красиво, — сказала Вера.

— Это осень, — сказал он. — Летом там горит.

Материал нужно было сдать в номер, и сдать сразу. Вера посмотрела на часы и подумала, что этот день она будет вспоминать годами, а написать о нём должна за ночь.

Снимок, который потом попадёт на обложку свежего номера, был сделан на одной из посадок. Вера стоит на выжженной степной траве, за спиной у неё машина защитного зелёного цвета с провисшими лопастями, и ветер тянет ей волосы в одну сторону.

* * *

Артём ждал в коридоре.

Ему было пять, и он стоял в одном носке, второй держал в руке.

— Ты летала?

— Летала. На вертолёте.

— На военном?

— На военном.

— С пулемётом?

— Без, — сказала Вера. — Зато такой большой, что внутри можно стоять.

Вера рассказывала долго: про бочку, про игрушечные самолёты, про ковры, про то, что у каждого дома своя крыша и сверху это видно. Артём слушал вполуха, возил по полу

машинку и в какой-то момент перебил:

— Мам.

— Что?

— А коровы правда как мухи?

Вера остановилась.

— Правда, — сказала она. — Совсем маленькие. Как будто “разлетаются” в стороны, когда шумно.

Артём расхохотался.

— Коровы — мухи! — повторил он. — Коровы — мухи!

Глава 2. Экипаж

Женщин на борту не было, кроме неё.

Вера заметила это не сразу, а когда уже сидела и машина набирала высоту. И неудобства в этом не оказалось никакого. Скорее наоборот: её как будто взяли под присмотр — не сговариваясь и не объявляя об этом.

У трапа кто-то подал ей руку, хотя она не просила. В проходе между баками, где двоим не разойтись, посторонились и ждали, пока она пройдёт, а не протиснулись сами. И ругаться при ней никто не ругался — а в машине, где всё время чего-то не слышно и приходится говорить громко, это тоже вежливость.

За неё отвечал Нестеренко. Это было установлено ещё на земле, и повторять не требовалось: журналистка его, вопросы к нему, случись что — спросят с него. Вера это поняла и приняла.

Доброжелательность была, но не та, которая мешает. Её не развлекали, не показывали ничего специально и не спрашивали, не страшно ли.

* * *

Блокнот Веры был открыт на второй странице. На первой стояли цифры, названные ей перед вылетом, на второй — две фразы Нестеренко и слово «солончак», которое она записала, чтобы не забыть, как называется белёсое пятно в сте-

пи.

Кабина пилотов была в пяти шагах, за дверью. Можно было встать, постучать и спросить. Наверное, ответили бы.

Вера не пошла.

Соображение было простое, и она держалась его весь день. У этих людей работа, на которой нужно сосредоточиться. Внизу семьсот километров, по которым смотреть им, а не ей. Если она сейчас встанет и начнёт расспрашивать, кто-то отведёт от окна глаза — и это будет её вина.

Её работа была — расспросить и написать правильно: изложить факты, не переврав ни одного слова, и добраться до того, что её по-настоящему занимало: до нюансов и до человеческих судеб. Судьбы были внизу, в сёлах, которые они проходили за минуту. Экипаж вёз её к ним.

Поэтому она сидела и не мешала.

Один раз она всё-таки спросила — не у кабины, а через столик.

— А маршрут вам заранее дают?

— По заданию, — сказал Нестеренко.

Ответ был полный. В нём не было ни грубости, ни уклончивости, и возразить на него было нечего. Вера записала и это.

Слева от неё весь полёт сидел бортмеханик. После шутки про ремень он не сказал больше ни слова — не от невежливости, а потому, что смотрел в окно, и это было его дело. Вера сняла его в профиль, не спрашивая разрешения, и потом

долго думала, имела ли право.

* * *

Остальные посадки были короткие.

Машина садилась, винты ещё не вставали, и группа уходила быстро — туда, где у границы стояла чужая машина или виднелся человек. Вера шла следом, рядом Нестеренко. Вот здесь и начиналась часть её работы: наконец появлялись люди, с которыми можно было говорить.

Разговор всякий раз выходил длиннее проверки. Документы смотрели быстро. А потом объясняли: здесь действует пограничный режим, об этом надо помнить, и что бывает, если забыть. Говорили не строго — говорили понятно, как говорят с людьми, которых придётся встретить ещё не раз.

А пилоты в это время ходили возле машины.

Просто ходили взад и вперёд, разминали ноги, крутили руками, стояли и смотрели в степь. Это было единственное за весь день, что Вера увидела из их жизни: люди разминаются у вертолёта, потому что впереди ещё несколько часов полёта.

На земле она была журналистом. В воздухе — пассажиром, которого везут. Переход из одного состояния в другое занимал ровно столько, сколько винты набирали обороты.

Стояли недолго. Всё по делу. Группа возвращалась, пилоты уходили в кабину, и машина снова шла вверх.

* * *

На одной из посадок ей разрешили заглянуть в кабину.

Разрешил Нестеренко — сам, без просьбы. Винты ещё не встали, и он кивнул ей на дверь кабины. «Минуту», — сказал он.

В кабине оказалось светлее, чем в салоне. Всё переднее стекло было занято степью. Приборов было много, и они шли рядами: круглые, со стрелками, с цифрами, которых Вера не понимала и не стала делать вид, что понимает.

А перед приборами сидели две спины.

Они не обернулись. Один что-то отмечал, второй держал руку на чём-то, что Вере было не видно, и оба были заняты так, что её присутствие просто не входило в список того, на что сейчас надо реагировать.

И тут она поняла совершенно ясно: второго раза не будет. Минута кончится, дверь закроется, и сюда её больше не позовут — ни сегодня, ни, скорее всего, никогда.

Вера подняла фотоаппарат и сняла несколько кадров подряд — не потому, что их нужно было несколько, а потому, что знала по опыту: один-два всегда выходят мутными. А права на брак у неё не было.

* * *

Больше за весь день об этом никто не вспомнил. Её не спросили, что она там увидела.

Вера думала об этом уже дома, и вышло не то, чего она ждала. Разрешил ей не экипаж. Разрешил человек, который за неё отвечал.

Две спины так и не обернулись.

Кадр получился нормальный. Только панель приборов вышла немного тёмной, и ничего на ней нельзя было разобрать — Вера в них и не разбиралась.

В номер его не взяли. В репортаж пошло другое: Нестеренко над картой, машина в профиль, люди у борта. А кабина осталась в архиве — единственная минута того дня, которую Вера видела своими глазами и не смогла показать никому.

Глава 3. Застава в Изобильном

Через тридцать пять минут после взлёта машина пошла вниз.

Вера ждала границу. Внизу было село, а на краю села — двор: длинное одноэтажное здание, сарай, мачта с антенной, флаг на флагштоке.

Винты встали, и сразу стало слышно всё остальное: за забором работал трактор, в селе лаяли собаки.

Пахло соляркой и хлебом.

Вера огляделась и не сразу поняла, где кончается застава и начинается Изобильное. Забор был, но за забором сразу шли огороды.

* * *

Их встретил начальник заставы — старший лейтенант, молодой настолько, что Вера сначала приняла его за дежурного.

— Прошин, — сказал он. — Антон Сергеевич.

Отчество он прибавил чуть поспешно, и от этого стало ясно, что прибавлять его он начал недавно.

Потом он попросил у Веры документы.

— Она с нами, — сказал Нестеренко.

— Я посмотрю, — сказал Прошин.

Он смотрел паспорт и редакционное удостоверение дольше, чем нужно, чтобы их прочитать. Вера стояла и думала,

что после аэродрома это первый человек, попросивший у неё документы.

— Всё в порядке, — сказал Прошин, возвращая. — Извините.

— Он всегда извиняется, — сказали сзади. — После.

Человеку было лет пятьдесят, и представился он прапорщиком Лукьяненко.

Лукьяненко был в бушлате без ремня и держал в руке кружку.

У входа висел застеклённый стенд: приказы, расписание, фотографии. На фотографиях были люди в бушлатах и степь. Вера пригляделась и увидела, что степь на всех снимках одна и та же.

* * *

Прошин повёл гостью во двор. Показывал он добросовестно и по порядку: вот казарма, вот столовая, вот комната для хранения оружия, вот дежурный, вот связь. Выходило так, будто он сдаёт зачёт.

В дежурке сидел человек и не встал.

— Дежурный, — сказал Прошин. — Заступает на сутки.

Это значило сутки: телефон, связь, журнал, доклады. Он не уходит.

Дальше была комната для хранения оружия: железная дверь, окошко, за окошком ещё одна железная дверь.

— Выдаём под подпись, — сказал Прошин. — Принимаем под подпись.

На стене висела доска, расчерченная от руки: направления, время, фамилии. Вера посмотрела и не поняла ничего, кроме того, что расписано всё и на всех.

В казарме было темно. Окна завешены одеялами, и Вера остановилась в дверях.

— Спят, — сказал Прошин вполголоса. — Ночная смена.

Был одиннадцатый час утра.

В столовой на длинном столе стояли три прибора — не рядом, а в разных местах.

Вера спросила, сколько километров границы приходится на заставу.

Прошин назвал число и тут же уточнил, что наряды выходят на разные направления и что за сутки их бывает несколько.

— А наряд — это сколько людей?

— Трое, — сказал Прошин. — Старший наряда и два пограничника. Оружие, бинокли, рация.

— А участок большой?

— Большой, — согласился Лукьяненко.

Больше он ничего не добавил, и это оказалось понятнее всего, что объяснял Прошин.

— А что они там делают? — спросила Вера. — Всю смену?

— Смотрят, — сказал Лукьяненко.

— И всё?

— И всё. Смотреть — это работа. Устаёшь сильнее, чем

ходишь.

Он подумал и добавил:

— Главное — не смотреть на одно место. Глаз привыкает и перестаёт видеть.

Вера записала это дословно.

Потом она спросила, что бывает, когда человека задерживают.

— По-разному, — сказал Прошин. — Если человек местный и просто забыл документы, то…

— Порядок действий наряда определён, — сказал Нестеренко.

Сказал он это не громко и не резко, но Прошин замолчал на середине слова.

— Задержание производится в установленном порядке, — продолжил Нестеренко. — Применение специальных средств регламентировано.

Вера записала и это — именно так, как было сказано.

Она посмотрела на Прошина. Прошин смотрел в пол.

— Вы спрашивайте, — сказал Нестеренко уже мягче. — Что можно — расскажем.

Лукьяненко в это время мыл кружку.

Прошин командовал заставой первый год, и узнала она это не от него.

— Он у нас с весны, — сказал Лукьяненко, когда начальник отошёл к дежурному. — Старается.

Сказано было без насмешки. Так говорят о человеке, за

которого немного отвечают.

Вера спросила, откуда приезжают солдаты.

— Отовсюду, — сказал вернувшийся Прошин. — С области много.

— Из таких же сёл, — сказал Лукьяненко.

Он допил из кружки и поставил её на подоконник.

Вера спросила, давно ли он тут служит.

— Я тут с восемьдесят четвёртого, — сказал Лукьяненко.

— А тогда здесь что было?

— Тогда здесь ничего не было. С той стороны была Казахская ССР. Ездили и туда, и сюда.

— А застава?

— А застава потом.

Хлеб на заставу возили из Изобильного. Молоко брали там же. Вера записала и это, хотя пока не знала, зачем.

При ней на заставу позвонили из села. Дежурный выслушал, сказал «понял» и записал одну строчку.

— Что там? — спросил Прошин.

— Корова у Петровых не пришла.

— Своя?

— Своя. К вечеру вернётся.

Прошин кивнул. Никто не удивился.

* * *

В дежурке на столе лежала толстая книга в коленкоровом переплёте, истёртая по углам.

Вера спросила, что это.

— Журнал, — сказал Прошин и посмотрел на Нестеренко.

Нестеренко кивнул.

Лукьяненко подвинул книгу к себе и открыл наугад.

— «Двенадцатого. Гражданин такой-то, село такое-то, в пограничной зоне без документов. Составлен протокол». Это каждую неделю.

Он провёл пальцем ниже.

— «Восьмого. Гражданка такая-то, село такое-то, в пограничной зоне без документов. Собирала облепиху». Протокол не составляли.

— А почему? — спросила Вера.

— Потому что восемьдесят два года, еле видит, — сказал Лукьяненко.

Прошин посмотрел в окно.

Он перевернул несколько страниц и остановился на той, где запись была сделана другой рукой.

— А это не наше. Это из сводки переписано, для памяти. «Четвёртого. Стадо крупного рогатого скота, шестьдесят голов, самовольный переход». Акбулакский район. Вот такое пореже.

Вера записала: шестьдесят голов, Акбулакский район.

— И что с ними стало?

Лукьяненко закрыл журнал.

— Вернули, — сказал он.

В дверях сказали, что группа готова.

Вера посторонилась. Потом посторонилась ещё раз, потому что встала там, где ходят.

В калитку вошли трое других.

Эти возвращались. Сапоги у них были в грязи до колена, лица обветренные до красноты, и шли они медленнее тех, кто собирался.

Старший расписался у дежурного. Потом сдали оружие — под подпись.

Один из них на ходу снял шапку и провёл рукой по голове. Вера подумала, что он сейчас что-нибудь скажет — про смену, про степь или про то, что ночи уже холодные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.